

На правах рукописи

ФЕДОРОВА ЭЛЬВИРА НИКОЛАЕВНА

АРАБСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦАХ
(по трехтомному сборнику Н.Исанбета “Татар халык мѣкальлѣре”)

10.02.02. — Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

КАЗАНЬ — 2003

Диссертация выполнена на кафедре “Татарский язык в иноязычной аудитории”
Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина

Научный руководитель — доктор филологических наук
профессор САФИУЛЛИНА
Флера Садриевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор ЗАКИЕВ
Мирфатых Закиевич

доктор филологических наук
профессор НИЗАМОВ
Ильдар Маликович

Ведущая организация — Казанский государственный педагогический
университет

Защита диссертации состоится “ 13 ” ноября 2003 г. в 14 часов на заседании
диссертационного Совета Д 212.081.12 в Казанском государственном университете по
адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан “ ” октября 2003 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Загидуллина Д.Ф.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В татарском литературном языке и в разговорной речи имеется значительное количество слов иноязычного происхождения, заимствованных из греческого, латинского, русского, финно-угорских, английского, немецкого, французского и других языков, проникновение которых обусловлено многими историческими причинами и языковыми контактами с различными народами. Значительную часть иноязычной лексики татарского языка составляют арабские и персидские заимствования, которые благодаря религии и общественно-политическим, торговым, культурным и др. отношениям с восточными странами вошли в тюркские языки, в том числе в татарский язык, еще в древности. Именно они продолжают привлекать все большее внимание ученых, работающих в области татарского языкознания, так как всестороннее изучение словарного состава татарского языка — одна из актуальных задач лингвистической науки.

Первые попытки исследования арабских слов в татарском литературном языке начались в работах К.Насыри, Г.Сагди, Дж.Валиди, А.Максуди¹, а в более позднее время были продолжены в трудах Ш.Рамазанова, К.Сабирова, Г.Ахатова², которые охарактеризовали отдельные свойства освоения арабизмов и фарсизмов в татарском литературном языке.

Вопросы фонетического и морфологического освоения арабизмов в монографическом плане впервые были изучены М.И.Махмутовым³, который выявил основные закономерности освоения арабских звуков в татарском языке и определил пути перехода заимствованной лексики из одной грамматической категории в другую и т.д. В работе Ю.Валитовой рассмотрены арабские масдары⁴. И.Ш.Аухадиевым охарактеризованы фонетические системы арабского и татарского языков и выдвинута гипотеза проникновения арабизмов в лексику татарского языка посредством персидского языка⁵. В диссертационной работе И.Сиразиева особое внимание обращается на “возвращенную арабскую лексику”, которая по ряду причин была

¹ Насыри К. Лһикһи татари. Т. 1. — Казан, 1895. — 275 б.; Сһгди Г. Яһа цһм киһел тһртиптһ телебезнеһ сарыфы: (Ибтидаи мһктһплһрнеһ соһгы, рльши мһктһплһрнеһ беренче сыйныф шһкертлһре лһчен). — Казан, 1913. — 72 б.; Вһлиди К. Татар теленеһ имла цһм сарыф вһ нһхь каһыйдһлһре. — Казан, 1915. — 52 б.; Максуди Ы.Ц. Гарһбият. — Казан, 1915. — 112 б.

² Рамазанов Ш. Татар теле буенча очерктар. — Казан: Таткнигоиздат, 1954. — 200 б.; Хһзерге татар һдһби теле (лексика, фонетика, орфография, орфоэпия цһм графика, морфология) / К.Сабиров, В.Хангилдин, Р.Шакирова и б. — Казан: Тат. кит. нһшр., 1965. — 300 б.; Тхһтов Г.Х. Гарһп цһм фарсы теллһреннһн кергһн сьзлһр / Хһзерге татар теле лексикасы. — Уфа, 1975. — Б. 112-131

³ Мһхмьтов М.И. Татар һдһби телендһ гарһп алынмаларының фонетик цһм грамматик ньзлһштерелеше: Филол. фһн. канд...дис. — Казан, 1966. — 334 + 27 б.; Мһхмьтов М.И. Татар һдһби телендһ кергһн гарһп-фарсы элементлары / Гарһпчһ-татарча-русча алынмалар сьзлеге. Т.2. — Казан: Иман, 1993. — Б. 793-853.

⁴ Валитова Ю. Иноязычные элементы в поэтических произведениях Г.Тукая: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Казань, 1966. — 23 с.

⁵ Тьхһдиев И.Ш. Гарһп алынмаларының фонетик ньзлһштерелеше турында // Татар тел белеме мһсьһлһлһре. 3-нче китап. — Казан: Казан ун-ты нһшр., 1969. — Б. 112-131

вытеснена из словарного состава татарского литературного языка, а начиная с 90-ых годов XX века стала употребляться в произведениях видных татарских писателей⁶.

Таким образом, арабские заимствования в современном татарском литературном языке подвергнуты серьезному исследованию. Однако огромный пласт арабских и персидских слов в фольклоре, в том числе и в языке татарских пословиц, оставался вне поля зрения ученых. Следует отметить и то, что фарсизмы всегда рассматривались вместе с арабизмами и никогда не были предметом самостоятельных исследований. Между тем арабизмы и фарсизмы активно употребляются в татарском фольклоре и являются отточенными художественными формами разговорной речи народа.

Устнопоэтическое народное творчество, переходя из поколения в поколение, отражает исторический опыт народа, его духовный мир, а также представляет словесное искусство народа, культуру народно-разговорной речи и ее языковые особенности. Оно на всем протяжении становления вызывало огромный интерес не только фольклористов и литературоведов, но и языковедов. Поэтому в 70-е годы XX века на стыке таких гуманитарных наук, как языкознание и фольклористика, появилась новая дисциплина — лингвофольклористика, которая специально занимается изучением языка фольклора. В этой области фундаментальными являются труды известных ученых по русской лингвофольклористике — А.Н.Веселовского, И.А.Оссовета, А.П.Евгеньевой, З.К.Тарланова, А.Т.Хроленко и др. Несмотря на то, что анализ языка татарского фольклора — новая область современной лингвистики, первые шаги уже сделаны: появление диссертационных исследований,⁷ сборника научных трудов,⁸ отдельных статей⁹ свидетельствует о возросшем интересе к языку фольклора. В этих работах выявлены важнейшие проблемы лингвистического изучения таких устнопоэтических произведений, как песни, приметы, пословицы.

Среди фольклорных произведений пословицы занимают особое место, поскольку они “применяются в разговоре для образного и убедительного выражения мысли, так как подводят факт, о котором идет речь, под общепризнанный, выдержавший испытания временной закон. В них используются, в основном, языковые средства разговорной речи. Пословицы представляют художественно обработанную народно-разговорную речь, и в них воплощены ее лучшие черты: выразительность, меткость, простота, краткость”.¹⁰ Поэтому языковые особенности пословиц привлекали внимание ученых-лингвистов: в русском языкознании известны диссертационные работы А.А.Шрамма, И.А.Филипповской, Г.С.Варлаковой,

⁶ Сиразиев И.И. Арабский пласт лексики современного татарского литературного языка: Дис... канд.филол.наук. — Казань, 2002. — 177 с.

⁷ Махмутов Х.Ш. Афористические жанры татарского фольклора: Диссер. в виде научн. доклада... д-ра филол. наук. — Казань, 1995. — 76 с.; Ахметшина А.Р. Семантика татарских пословиц (в сравнении с русскими и французскими пословицами): Автореф. дис... канд. филол. наук. — Казань, 2000. — 21 с.; Миннуллин К.М. Песня — как искусство слова: Автореф. дис... д-ра филол. наук. — Казань, 2001. — 70 с.; Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и в татарском языках: сопоставительный аспект: Автореф. дис... д-ра филол. наук. — Казань, 2002. — 42 с.; Набиуллина Г.А. Синтаксис сложного предложения в татарских пословицах (по трехтомному сборнику Н.Исанбета “Татар халык мѣкальѣре”): Автореф. дис... канд. филол. наук. — Казань, 2002. — 26 с.

⁸ Фольклор теле — шигърийат теле / Тъз. И.Н.Надиров. — Казан: Фикер, 2001. — 223 б.

⁹ Мъгътѣсимова Г.Р. Татар халык мѣкальѣрендѣ искергѣн сѣзлѣр / Татар теле, ѣдѣбияты, тарихы — ыткѣне цѣм бѣнгенесе. — Казан: КДУ, 2000. — Б. 342-347; Ибрагимова Г.Д. Лексика татарских пословиц и поговорок: тематическая и количественная характеристика // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. Выпуск 5. — Казань: Фикер, 2001. — С. 81-85

¹⁰ Филипповская И.А. О синтаксическом строе русских пословиц: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Казань, 1955. — С. 3

З.К.Тарланова, посвященные синтаксису пословиц¹¹; в тюркском языкознании пословицы исследованы Р.Музафаровым, А.Аннануровым, Р.Сарсенбаевым, Х.Абдурахмановым, Ю.Ефимовым, Г.Юсифовым, Г.Ниятуллаевым¹².

Поэтическая ценность, языковые особенности татарских пословиц также не могли остаться вне поля зрения фольклористов и литературоведов, занимающихся их сбором и научно-теоретическим изучением. В этой области известны работы Х.Ярми, Н.Исанбета, Г.Ахунзянова, Х.Махмутова, З.Мазитова.¹³

Однако ни в тюркологических исследованиях пословиц, ни в татарской лингвофольклористике заимствованная лексика пословиц специально не была изучена.

Актуальность исследования связана с отсутствием монографических исследований арабских и персидских заимствований в татарских пословицах, несмотря на частотность их употребления.

Лингвистический анализ лексики народных пословиц обладает и филологической и общекультурной значимостью, что делает данную проблему весьма актуальной. Всестороннее исследование арабских и персидских заимствований в татарских пословицах — одна из важнейших, давно назревших задач татарской лингвофольклористики.

Цель диссертации — монографическое исследование арабских и персидских заимствований в пословицах, представляющих собой особый класс паремиологической системы в татарском языке.

Для достижения данной цели ставятся следующие задачи:

- отбор, накопление и систематизация картотеки пословиц с арабскими и персидскими заимствованиями; выявление активности употребления тех или иных иноязычных лексем;
- характеристика графо-фонетических особенностей арабизмов и фарсизмов в пословицах и сравнение их с адаптацией арабских слов современного татарского литературного языка;
- выявление словообразовательных тенденций, проявляющихся при освоении иноязычной лексики в фольклоре, их морфологической и синтаксической адаптации в составе пословиц;

¹¹ Шрамм А.А. Наблюдения над синтаксическим строением русских пословиц (Простое предложение): Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 1954; Филипповская И.А. О синтаксическом строе русских пословиц: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Казань, 1955. — 14 с.; Варлакова Г.С. Бессоюзные сложные предложения в пословицах: Автореф. дис... канд. филол. наук. — 1959. — 22 с.; Тарланов З.К. Синтаксис русских пословиц: Автореф. дис... д-ра филол. наук. — Л., 1970. — 34 с.

¹² Музафаров Р.И. Татарские народные пословицы (о пословицах крымских татар): Автореф. дис... канд. филол. наук. — Казань, 1959. — 43 с.; Аннануров А. Синтаксические особенности туркменских пословиц и поговорок: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1960.; Сарсенбаев Р. Лексико-синтаксические особенности казахских пословиц и поговорок: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1961. — 19 с.; Абдурахманов Х. Синтаксические особенности узбекских народных пословиц: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Ташкент, 1969; Юсифов Г.Н. Лексико-стилистические особенности азербайджанских пословиц: Aâôîðäô .âëñ ...êäîä .ôëëë .îâëëB — .аку ;1969 ,Ниятуллаев Г. Каракалпакские народные пословицы и поговорки :Aâôîðäô .âëñ ...êäîä .ôëëë .îâëëa? — .шкент.1971 ,

¹³ Ярми Х. Татар халкының поэтик икаты. — Казан, 1967. — 163 б.; Исһнбѳт Н. Мѳкальһребез турында / Татар халык мѳкальһре. Ыч томда. Т.1.— Казан: Тат. кит. нѳшр., 1959. — Б. 7-243; Ахунһанов Г.Х. Образлы ѳйтѳмѳлѳрнеѳ логик-грамматик цѳм стилистик нзынчѳлеклѳре / Татар теле цѳм ѳдѳбияты. — Казан: КДУ, 1963. — Б. 30-81; Мѳхмѳтов Х.Ш. Татар халкының афористик икаты / Татар халык икаты. Мѳкальһр цѳм ѳйтемнѳр. — Казан: Тат. кит. нѳшр., 1987. — Б. 5-36; Мѳхмѳтов Х. Ш. Борынғылар ѳйткѳн сызлѳр (VIII – XVII йѳз тѳрки-татар ядкарлѳрендѳ афоризмнар).— Казан: Фикер, 2002. - 256 б.; Мѳжитов З. Мѳкальһр / Х. Госман, З.Мѳжитов. Фольклор жанрларын система итеп тикшернѳ. — Казан: КДУ, 1987. — Б. 5-142

— установление синонимических связей заимствованных слов и тюркской лексики в пословицах;

— определение разных типов отношений (взаимовлияния, взаимосвязи, отличий и др.) арабо-персидских заимствований в современном татарском литературном языке и татарской общенародной разговорной речи, языке фольклора.

Объектом данного исследования являются арабские и персидские заимствования в татарских народных пословицах, отобранные и обработанные мастерами народного словесного искусства, использующиеся для передачи наиболее совершенной формы выражения мысли, общепонятные для разных эпох и представителей всех диалектов определенной эпохи.

Источником фактического материала послужил трехтомный сборник Н.Исанбета “Татар халык мѣкальлѣре”¹⁴, где собрано 38670 пословиц. Пословицы, где употребляются арабские и персидские заимствования, насчитывают 15268 синтаксических единиц, что составляет 39,4 % -а пословиц из этого источника.

Методы и приемы исследования. В работе для анализа фактического материала был использован комплекс лингвистических методов и приемов: описательный, сравнительный, сравнительно-исторический, функционально-стилистический методы; методы структурного, лексико-семантического, этимологического и статистического анализа.

Методологическую основу и теоретическую базу диссертации составляет опыт изучения иноязычной лексики, представленный в трудах отечественных лингвистов. Теоретической базой исследования явились научно-теоретические положения тюркологов Н.А.Баскакова, Н.З.Гаджиевой, Н.К.Дмитриева, А.Н.Кононова, Б.А.Серебренникова; русских языковедов В.В.Виноградова, А.М.Пешковского, Н.С.Поспелова, В.А.Белошапковой, Л.П.Крысина; труды известных татарских языковедов К.Насыри, Г.Сагди, А.Максуди, Дж.Валиди, Г.Алпарова, В.Хангильдина, М.З.Закиева, Д.Г.Тумашевой, Ф.С.Сафиуллиной, Ф.М.Хисамовой, В.Хакова, Г.Ф.Саттарова, Р.Ахметьянова, Ф.Ганиева и др. Раскрытию темы способствовали фундаментальные труды известных татарских и русских литературоведов и фольклористов Х.Ярми, Н.Исанбета, З.Мазитова, М.Магдеева, М.Бакирова, А.Яхина, Ф.И.Урманчеева, Х.Махмутова; В.И.Даля, В.П.Аникина, К.Ф.Соколова, А.А.Крикманна; лингвофольклористов И.А.Оссовецкого, В.Я.Пропп, З.К.Тарланова и др. При сопоставлении адаптации арабизмов в языке фольклора и татарском литературном языке опирались на научные работы М.И.Махмутова, И.Ш.Аухадиева и И.И. Сиразиева.

Для уточнения значений заимствованных слов были использованы словари: Х.К.Баранова “Адааһѣи-дѣһѣеѣ һѣааду”¹⁵ и “Персидско-русский словарь” под редакцией Ю.А.Рубинчика¹⁶.

Научная новизна работы. В татарской лингвофольклористике специальные научные исследования в этой области отсутствуют. В данной диссертации впервые в татарском языкознании исследуются арабские и персидские заимствования в языке одного из жанров фольклора, а именно в пословицах. Дается всесторонний анализ, касающийся адаптации арабских и персидских лексических заимствований в татарских пословицах; выявляются графо-фонетические особенности, структурные типы,

¹⁴ Èñfäð Ĭ .Òäðð bæñē ĩæñēðä .Ş ÷ðñä .Ò Ĭ — .Èäçäĭ :Òäð .ëèð .ıðð .,1959. — 913 ä.; Ò. II, 1963. — 959 ä.; Ò. III, 1013 — .1967ä.

¹⁵ Аадаһа О.È .Адааһѣи-дѣһѣеѣ һѣааду — .Ĭ :.Дѣһѣеѣ үçñē 944 — .1969 .ñ.

¹⁶ Ĭäðñäñēi-ðññēē һѣааду/ Ĭä .ðää .Р.Ä .Дѣаѣi-ëē x-2 ? .томах .О.Ĭ — Ĭy? .:сский язык, 1983. — 800 ñ.; Ò. II, 1983. — 864 ñ.

частотность употребления иноязычных лексем и синонимические свойства арабизмов, фарсизмов и тюркских слов. Все результаты освещаются в сравнении с современным татарским литературным языком. Автор видит новизну полученных результатов в том, что данное исследование является новым не только в области лингвистического изучения языка пословиц, но и в татарском языкознании, татарской лингвофольклористике, вообще в тюркологии.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость диссертации определяется, с одной стороны, важностью самого предмета исследования — пословиц, представляющих собой вершинную форму в развитии народной словесной культуры, а с другой — актуальностью обсуждаемых в ней теоретических вопросов освоения арабских и персидских лексем в языке фольклора. Материалы диссертации вводятся в научный оборот впервые и имеют значение для татарской лингвофольклористики, татарского и тюркского языкознания. Результаты исследования могут быть использованы при изучении описательной исторической лексикологии, грамматики татарского языка; лексики разговорной речи, языка фольклора, а также при преподавании теоретических и практических курсов по современному татарскому языку, лингвофольклористике. На основе материалов диссертации могут быть прочитаны спецкурсы “Заемствованная лексика в языке пословиц”, “Арабские и персидские заимствования в современном татарском литературном языке и языке фольклора”.

Апробация. Основные результаты исследования отражены в 12 научных публикациях: семи статьях и тезисах пяти докладов. Основные положения диссертации излагались на итоговых научных конференциях Казанского государственного университета (1999-2003), международных научных конференциях “Мирза А.Казем-Бек и отечественное востоковедение” (Казань, 25 мая, 2000) и “Бодуэновские чтения” (Казань, 11-12 декабря, 2001), Всероссийской научно-практической конференции “Сопоставительная филология и полилингвизм” (Казань, 29-31 октября, 2002), Всероссийской научной конференции “Эпос “Урал-батыр” и мифология” (Уфа, 27-28 мая, 2003), конференции Первой выездной академической школы молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ (30 ноября – 2 декабря, 2002). Апробация основных теоретических положений осуществлялась во время преподавания практических курсов по современному татарскому языку студентам факультета татарской филологии и истории Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. К диссертации прилагаются 3 приложения: “Фонетическая характеристика арабских и персидских звуков”, “Частотная характеристика арабских и персидских заимствований” и “Частотность употребления арабизмов и фарсизмов в тематических главах сборника”.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, дается краткая характеристика истории изучения татарских пословиц как жанра фольклора; определяются основная цель, конкретные задачи, объект и предмет работы, источники; характеризуются методологические и теоретические основы, методы анализа фактического материала; обосновываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе “Графо-фонетическое освоение арабских и персидских заимствований” рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей фонетического освоения арабизмов и фарсизмов в пословицах.

Арабский, персидский и татарский языки относятся к разным языковым семьям, которые отличаются друг от друга на всех уровнях языковой структуры, что проявляется, прежде всего, в их фонетическом строе. Поэтому арабизмы и фарсизмы, употребляемые в пословицах, в процессе адаптации в татарском языке меняют фонетическую окраску языка-источника. Заимствования, как правило, проникают в пословицы устным путем, поэтому их усвоение сопровождается не только закономерной заменой неприемлемых для татарского языка звуков и звуко сочетаний, но и устранениями, вставками или перестановками звуков, что свойственно контактно-бытовым заимствованиям¹⁷.

В диссертации рассматриваются графо-фонетические изменения в арабских и персидских словах. Исследование проводится по печатному изданию.

Большинство изменений в заимствованиях происходит в области субституции арабских и персидских гласных, так как в языке-источнике и языке-реципиенте существуют разные гласные фонемы.

В арабском языке насчитывается 6 гласных. Они, как и татарские гласные, характеризуются по следующим признакам: по горизонтальному и вертикальному движению языка и участию губ. Долгота и краткость гласных в произношении играют фонематическую роль, поэтому существуют долгие [ā, ī, ū¹⁸] и краткие [a, u, i] звуки, которые считаются между собой парными и отличаются лишь по последнему признаку. Нужно заметить: под влиянием согласных звуков гласные этого языка могут качественно изменяться, получая различные оттенки звучания (например, фонема [a] может иметь варианты среднего ряда нижнего подъема, переднего ряда среднего подъема и заднего ряда нижнего подъема, быть лабиализованной или не лабиализованной и т.д.).

Система вокализма персидского языка так же насчитывает 6 гласных звуков, и они характеризуются по традиционным признакам: есть гласные переднего ряда [e, i, ä] и заднего ряда [ā, o, ü] (в отличие от арабского языка гласных среднего ряда в персидском языке, как и в татарском, не существует), первые из которых являются лабиализованными, а вторые не лабиализованными фонемами. [i] и [ü] — гласные верхнего подъема, [e], [o] — среднего подъема, а [ā] и [ä] — нижнего подъема. Краткость и долгота персидских гласных, как и татарских, не играют фонематической роли.

Все эти звуки передаются в заимствованиях 9 гласными фонемами татарского языка.

1. Субституция арабских гласных.

1) Краткий гласный [a], несмотря на неустойчивый характер в языке-источнике, передается в заимствованиях как татарский [a] или [h]. Если в слове существуют гласные заднего ряда или твердые согласные (с точки зрения арабского языка), то [a] переходит в татарский [a]: وقت [ʔaqtun] – *вакыт* “время”, ضرر [ḍararun] – *зарар* “вред”, فرض [farḍun] – *фараз* “гипотеза” и т.д. Если слова содержат, в основном, гласные переднего ряда и мягкие согласные, то для сохранения гармонии гласных

¹⁷ Беликов В.И., Никольский Л.В. Культурологический и социолингвистический аспекты изучения лексических заимствований в восточных языках / Лексические заимствования в языках зарубежного востока.— М.: Наука, 1991. — С.14

¹⁸ Подробное описание символов транскрипции, использованной в диссертации, представлено в реферируемой работе (С. 19).

6) Арабский долгий [ū] может передаваться в заимствованиях как [y] или [һ], в зависимости от окружающих звуков: с твердыми звуками как [y], а с мягкими как [һ]: غرور [gurūrun] – *горур* “гордый, тщеславный”, قانون [qānūnun] – *канун* “закон”, معظوم [ma‘zūmun] – *мъзъум* “великий”, محروم [maħrūmun] – *мъхръм* “лишенный”.

2. Субституция персидских гласных.

1) Персидский [ä] отличается от татарского [h] лишь тем, что он считается кратким звуком, а [h] — сравнительно долгим. Однако это свойство не мешает [ä] усваиваться как [h]: گهر [gôuhär] – *гъһъһр* “драгоценный камень, жемчуг”, دوا [däüä] – *дъва* “лекарство”.

В целях сохранения закона сингармонизма, который отсутствует в арабском, персидском языках и является важным для татарского языка, в словах, где употребляются гласные заднего ряда, [ä] переходит в [a]: اژدها [äzdähâ] – *аждаха* “дракон”, نماز [nāmāz] – *намаз* “намаз, богослужение”.

2) Гласный [ä] — заднего ряда, нижнего подъема является эквивалентом татарского гласного [a], поэтому этот звук передается только как [a]: پاک [pāk] – *пакъ* “чистый”, بازار [bāzār] – *базар* “рынок”.

3) Гласный [ü] тоже ничем не отличается от татарского [y], поэтому произношение слов с этим звуком происходит как в языке-источнике: ياقوت [iāgüt]-*яхут* “яхонт”, پول [pül]-*пул* “деньги”.

4) Персидский гласный [o] в отличие от предыдущих звуков может замещаться несколькими татарскими гласными. В большинстве заимствований он переходит в татарский [o] и употребляется, в основном, в первом слого: بستان [bostān]-*бостан* “сад”, اجماع [oğmāh] – *о́мах* “рай”. Замещение этого гласного на [y] встречается в пословицах лишь в двух примерах: خوش [hoš] – *хуш* “приятный” и خور [hōr] – *хур* “фея”. Данное изменение является характерным для слов татарского, башкирского и отчасти чувашского языков, что, видимо, отразилось и в персидских словах²¹. В некоторых случаях [o] палатализируется и переходит в татарский [ль]: گل [gol] – *гъл* “цветок”, درست [dorost] – *дърес* “правильный”, گناه [gonāh] — *гънаи* “грех”. В пословицах, хотя и в единичном случае, зафиксирован переход [o] в [ы], что проявляется в слове بلبل [bolbol] – *былбыл* “соловей”.

5) Персидский гласный [e] в середине слова замещается татарским [э]: شاگرد [šāgerd]- *шъкерд* “шакирд”, روش [räüeš] – *ръвеи* “вид”, چرك [čerck] – *черек* “гнилой”; в конце слова он переходит либо в [a], либо в [h], в зависимости от твердости и мягкости слова, соблюдая гармонию гласных: چاره [čäre] – *чара* “мера, средство”, چشمه [češme] – *чишмъ* “родник”, پخته [pohte] – *пъхтъ* “опрятный”. С этой же целью [e] замещается [ы], в основном, в позиции после эмфатического звука: چاطر [čāt'er] – *чатыр* “шатер”, طلا [t'elā] – *тъйля* “золото”.

Исходя из исследования субституции гласных, выявлено, что арабские и персидские звуки в народной устнопоэтической речи передаются, как и в литературном языке, с помощью девяти татарских гласных фонем; установлены различия, связанные с орфоэпией и орфографией арабизмов и фарсизмов в татарском языке, которые приводят к различным ошибкам.

3. Субституция согласных фонем.

Системы консонантизма арабского и персидского языков являются специфичными, так как согласные делятся на твердые и мягкие, что отличает их от

²¹ Серебrenников Б., Гаджиева Н. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — Баку: Маариф, 1979. — С.17

согласных татарского языка. Однако в большинстве случаев данная характеристика в заимствованиях не сохраняется.

Согласные звуки арабского и персидского языков условно можно разделить на две группы: звуки, имеющие аналоги в татарском языке, и согласные, не имеющие аналогов в татарском языке.

1) К первой группе относятся такие арабские и персидские звуки, как ت, ب, ج, ز, ر, ش, س, ل, ك, ق, ش, م, ن, پ, گ. Они передаются такими же татарскими звуками, теряя свойство твердости или мягкости, так как по внутренним законам татарского языка один и тот же согласный может быть и твердым, и мягким в зависимости от характера гласного.

Нужно заметить, что эти звуки, в основном, не отличаются от исконно татарских согласных, и иноязычность их можно узнать лишь в некоторых случаях по их позиции в слове. Например, позиция в начале слова для согласных ت, ب, ج, ز, ر, ش, ل, ك, ق, ش, م, ن, پ, گ считается несвойственной для татарских слов, однако в заимствованиях эти звуки могут употребляться во всех позициях: پای [pāi] – *най* “доля”, ليلة [laīlatun] – *Лһүлһ*, لكن [lakin] – *лһкин* “но”, شيطان [šaiʿanun] – *шайтан*, رزق [rizqun] – *ризик* “еда”, زمان [zamānun] – *заман* “эпоха, время” и др.

2) Происходит субституция арабских и персидских согласных, не имеющих аналогов в языке-преемнике, близкими по звучаниям татарскими эквивалентами. Таким образом, как в литературном языке, так и в языке пословиц, арабские согласные ث, ص, س передаются фонемой [с]; ط, ت усваиваются как [т]; ظ, ض переходят в [з]. Нужно заметить, что в персидском языке эмфатических звуков тоже нет. Такие звуки употребляются только для передачи арабских заимствований и осваиваются таким же образом, что наводит на мысль о посредничестве персидского языка для арабизмов в тюркских языках.

3) Выявлено, что в татарском и в персидском языках не существует фарингальных звуков ح, ع, первый из которых в татарском языке передается увулярным, шумным, глухим звуком [х], а второй как и غ — увулярным [г], и при этом в заимствованиях они ничем не отличаются. В персидском языке эти буквы употребляются в письме, но ح — произносится как увулярный خ; ع — похожий на гортанный звук ʿ (хамза). Заметим, что в этом языке غ и ق как фонемы не различаются, сохраняются лишь в написании арабских слов с целью различения их значения²².

4) Переднеязычный щелевой звонкий согласный персидского языка ژ [ž], который употребляется в междометиях и в иноязычных словах, также считается несвойственным для татарского языка. В пословицах он встречается лишь в слове اژدها [äždähā] – *аждага* “дракон”.

5) При освоении арабизмов некоторые согласные подвергаются систематическому пропуску. К таким звукам относятся ع, ح, ه. Как и в заимствованиях литературного языка ʿ без исключения опускается в начале и в конце слова: أعضاء [ʿa ʿdāʿun] – *һәъза* “член, орган”, بلاء [balāʿun] – *бәлә* “беда”, زنا [zināʿun] – *зина* “разврат”. В середине слова ʿ опускается тогда, когда после него следует [и]: عائلة [ʿāʿilātun] – *гаилә* “семья”, دائم [dāʿimun] – *даими* “постоянный”, а в редких случаях передается через “й”: فائدة [fāʿidātun] – *файда* “польза”, или с помощью [э]: تأمين [taʿmīnun] – *тәһмин* “обеспечение”, تأثير [taʿṭīrun] – *тәһсир* “влияние”.

Опускание ح, ع чаще встречается в начале слова, что приводит к возникновению в татарском языке фонетических вариантов заимствований, некоторые из которых даже

²² Рубинчик Ю. Современный персидский язык. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — С. 24

служат примером фонетического способа словообразования: *хакъм* — *хъкъм*, *хълв* — *хълб*, *хърхъм* — *хърхъм*, *хикм* — *хъкъм*, *хикхъм* — *хъкъм*, *гарь* — *хър*²³ и т.д. В пословицах только в одном примере встречается выпадение *ح* в середине слова: *صلاحية* [šalāhiyatun] — *схълхъм* “дар”: *Дхъркемгъ схълхъмтенчъ*, *дхъркемгъ хакъхъмтенчъ* (115). Звук *ع* опускается в таких словах, как *قلعة* [qal‘atun] — *кальга* → *кала* “город”, *معرفة* [ma‘rifatun] *мхъгрифхът* → *мхърифхът* “образование”. Выпадает второй слог *с* *ع* в лексеме *طعام* *тхъгам* → *тхъм* “вкус”. Опускание конечного *ع* зафиксировано лишь в слове *ضائع* [d‘ā‘i‘un] *заиг* → *зая* “попусту, зря”, звука *о* в лексеме *الله* [‘allahu] → *Алла*.

Передача таким образом арабских и персидских согласных, несвойственных для татарского языка, существует и в литературном языке. Однако на сегодняшний день нет единогласия в их прописании, что особенно четко выражается в фольклорных произведениях.

В татарском языке в корне слова два одинаковых согласных рядом не могут находиться, а в арабском и персидском языках существуют удвоенные согласные, что является выражением долготы звука. Такие согласные могут стоять в середине или в конце слова. В пословицах встречается более 40 лексических единиц с серединным удвоенным согласным, и все они сохраняются: *علة* [‘illatun] — *гыйллъ* “недомогание”, *عفة* [‘iffatun] — *гыйффхъм* “целомудрие”. Исключение составляет слово *صحة* [šihhatun] *сиххъм* → *сихъм* “польза для здоровья”: *Тхънгъ сиххъм*, *йъзгъ оят* (19852). Нужно заметить: при удвоении *د* [d] первый из согласных, который стоит в конце слога, оглушается и в письме передается через [t]: *مكاتدح* “священный”. В конце слова опущение одного из удвоенных согласных происходит систематически: *جر* [ğarrun] — *кхър* “тяга”, *شك* [šikkun] — *шик* “подозрение”. И в литературном языке, и в пословицах встречаются, в основном, одни и те же слова с удвоенными согласными.

4. Известно, что в арабском и персидском языках существует по два дифтонга: [aī], [aū] и [eī], [oū]. На примерах пословиц их освоение происходит следующим образом: [aī] и [eī] могут употребляться как [hй] или [ай], в зависимости от твердости или мягкости согласных, употребляемых до и после дифтонга: *ويران* [üeirān] — *вхъйран* “опустошенный”, *شيطان* [šaiṭānun] — *шайтан*; [aū] несмотря на то, что в литературном языке есть примеры его употребления как [hу] или [aw], в паремиях найдены слова только с [hу]: *أولياء* [‘aūliā] — *хъулия* “святой”, *جوزة* [ğauzatun] — *кхънъза* “созвездие Близнецов”. Дифтонг [oū] встречается только в одной основе: *سودا* [soūdā] — *схъндъ* “торговля” и осваивается как [hу].

При употреблении заимствований в живой речи дифтонги часто подвергаются тем или иным изменениям, так как пословица является одним из жанров устного народного творчества, где нашли отражение позиционные и комбинаторные звуковые изменения. В заимствованиях встречаются такие самые распространенные позиционные изменения, как оглушение конечных звонких согласных [б] и [д] (*ازاد* [āzād] — *азат*, *شاد* [šād] — *шат*); эпентеза, поскольку арабские слова при заимствовании персидским и татарским языками опускают конечное окончание танвина *ـ* [-un]. Для того, чтобы все слова не заканчивались на два согласных между вторым и третьим звуками арабского корня, добавляются гласные [э] или [ы] (*ذكر* [d‘ikrun] — *зикер*, *قصد* [qašdun] — *касыд*, *لحد* [lahdun] — *лхъет*), и редукция тех же эпентетических гласных появляется при их склонении по падежам и аффиксами принадлежности. Это — норма в интервокальной позиции. Однако в некоторых примерах эти правила не действуют

²³ См. об этом: Ганиев Ф.А. Фонетическое словообразование в татарском языке. — Казань: Тат.кн. изд-во, 1973. — С. 8-9

по причине соблюдения эвфонии и рифмы слов в пословице: *Суына кърĥ балыгы, авылына кърĥ халыгы* (22044).

В арабских словах с начальным [p] всегда ощущаются протетические звуки²⁴, которые в литературном языке орфографическими нормами не закреплены в письме. Однако Н.Исанбет записал эти слова как слышал²⁵: *Кыш эрĥмĥт чанага, кĥй эрĥмĥт арбага* (2197).

5. Выявлены следующие комбинаторные изменения звуков: аккомодация, ассимиляция (شربة [šurbatun] – *шърбĥ* → *иурпа* → *иулпа*; اكبر [ʾakbaru] — *ĥкбĥр* → *ĥппĥр*), сингармонизм (لذة [ladʿatun] — *лĥззĥт*, مراد [murādun] – *морад*), метатеза (لعنة [laʿnatun] – *лĥгънĥт* → *нĥгълĥт*, *нĥлĥт*), дизреза (أستاذ [ʾustādʿun] — *оста*; دوست [düst] — *дуст* → *дус*). Они так же являются формой адаптации иноязычных элементов, так как при заимствовании арабизмов и фарсизмов сохранились, главным образом, допустимые и приемлемые сочетания звуков [-ат], [-ĥт] в конце слова или сочетания “глухой шумный + звонкий шумный” в несложных словах²⁶ и т.д., которые несвойственны нормам татарского литературного языка.

6. Пословицы, как пример живой разговорной речи, содержат в себе и диалектные варианты той или иной паремии. Как отмечает составитель сборника Н.Исанбет, любая пословица может употребляться во всех диалектах и местах проживания народа. Так как данный сборник составлен не с целью изучения говоров и диалектов татарского языка, пословицы в нем даны в варианте литературного языка. Однако в целях передачи некоторых разновидностей, зафиксированы те или иные диалектные модификации пословиц, которые, в основном, относятся к мишарскому диалекту татарского языка²⁷. В таких вариантах пословиц, хотя и редко (в 98 пословицах), встречаются и арабские и персидские заимствования. Им свойственен переход гласных [а] → [ы] (*кĥгазь* → *кĥгызь*); [ĥ] → [и] (*фĥрештĥ* → *фирештĥ*); замена [х] на [к] (*холык* → *кылык*, *хаста* → *қаста*); опущение согласного [г] во всех позициях слова (*гарĥфĥ* → *ĥрĥнĥ*, *тĥгаен* → *тĥян*, *ĥсигъ* → *асу*) и звука [ц] в препозиции (*иуш* → *уш*, *иĥвĥс* → *ĥвĥс*). Если бы все пословицы были бы записаны с сохранением свойств звучания, то исследуемый материал показал бы интересные результаты освоения диалектами арабизмов и фарсизмов.

Проведенное исследование показало, что графо-фонетические изменения заимствований в пословицах совпадают с изменениями арабизмов и фарсизмов в татарском литературном языке, хотя в паремиях нормы орфографии литературного языка при записи иноязычного слова не сохраняются.

В конце главы даются краткие выводы.

Вторая глава “Грамматическая характеристика арабских и персидских заимствований” посвящена вопросам системного описания словообразовательных возможностей арабизмов и фарсизмов и их морфологического, синтаксического освоения в пословицах.

²⁴ Сафиуллина Ф.С. Тел гыйлеменĥ кереш — Казан : ТаРИХ — .2001 .Б 69 .

²⁵ М.И.Махмутов в своей работе отмечает, что для арабских заимствований современного татарского языка явления протезы и эпентезы не характерны (İ?dīt?ov I? .Ė.атар ĥдĥби телендĥ гарĥп алынмаларының фонетик цĥм грамматик ызлĥштерелъне :Филол .фĥннĥре канд ...дис — .Ėaçâi(.б 361 — .1966 ,

²⁶ Сиразиев И.И. Арабский пласт лексики современного татарского литературного языка: Дис... канд.филол.наук. — Казань, 2002. — С.57

²⁷ Ėп□íá□ò í. Õàðàð òàëùè ì□àëùè□ðâ. Õ.İ. - Ėaçâi: Õàð. èèð. í□øð., 1959. — Б. 253

(*фикердѣш, сердѣш*). Существуют и такие суффиксы, которые в языке-источнике считаются самостоятельными словами, а в татарском языке выполняют функцию словообразования. Это — суффиксы со значением “лица”: -гѣр (*сѣндѣгѣр*), -дар (*хѣкемдар*), -кяр (*тѣнѣкѣяр*) и со значением “места”: стан (*гѣлбостан*), ханѣ (*фѣхеишханѣ*).

Сложные существительные, образованные при помощи сочинительной связи, составляют 4 лексемы, 3 из которых образованы от двух арабских основ (*ѣдѣн-нѣзакѣт, акыл-фигыль, хѣер-дога*), объединенных их синонимичным характером, и существительное *акыл-ѣуш*, в котором первый компонент является арабским, а другой — персидским. Отметим, что эти слова объединяются и по схожести семантики: *ѣдѣн* и *нѣзакѣт* выражают внутреннее состояние, воспитанность человека; *хѣер, дога* - лексемы с религиозным значением; *акыл* и *фигыль* объединены с точки зрения единства человеческого ума и его действий.

При помощи подчинительной связи компонентов образуются сложные слова: *канагай, асылташ, ахырзаман*, где один из компонентов является арабизмом или фарсизмом. Выявлено, что из-за жанровых особенностей пословиц сложные слова употребляются редко.

Установлено: все заимствованные существительные склоняются по падежам, могут иметь принадлежность, употребляться как в единственном так и во множественном числах, иметь аффиксы сказуемости, хотя в пословицах сложные существительные в последних двух категориях не использовались. Арабизмы и фарсизмы выполняют синтаксические функции подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства, что характерно для существительных в татарском языке: *Нигъмѣткѣ шѣкер ит* (17081); *Кодача коданыкы, эш ходаныкы* (12950); *Сѣндѣгѣрнеѣ яманы аракыга канын сатып алыр* (23350); *Сѣндѣгѣр — кашык, ил — диѣгез* (23344); *Кан сѣйгѣнем канагай, ярты ягым аныкы* (12832); *Ахырзаманга каршы савасы сыерѣ ат булыр имеш* (6478) и т.д.

Выявлено, что в функции словообразовательной основы употребляются, в основном, арабские и персидские имена существительные, арабские масдары I породы, причастия действительного залога II и III пород.

2. Имена прилагательные с арабскими и персидскими компонентами также делятся на производные и непроизводные, первые из которых встречаются в 1042 пословицах, а вторые — в 2874 паремиях.

1) Непроизводные прилагательные — это арабские качественные прилагательные, образованные по моделям *فعل* (*газиз, фѣкѣйрѣ, ѣсир*); причастия I породы действительного залога и прилагательные по модели *فاعل* (*залим, гакиз, камил*); прилагательные по моделям *افعل* (*ахмак*) и *فعل* (*ахыр, нѣкѣс*), также причастия III породы действительного залога (*мосафир, монафѣйк*); масдары V породы (*тѣкѣбер, тѣвѣкѣл*); арабские относительные прилагательные и причастия I породы от недостаточных глаголов, которые активно употребляются и в языке фольклора и в литературном языке (*фани, бакѣй, табигѣй, гѣйльми, сѣяси*). В эту же группу входят персидские непроизводные (*азат, хуш, пакѣ*) и производные прилагательные (*надан, начар*), существительные (*зѣѣр, хѣстѣ*). Однако вследствие того, что в персидском языке существительные и прилагательные слабо различаются и вне предложения их можно отнести и к существительному и прилагательному,³⁰ морфологическую отнесенность фарсизмов в языке-источнике определить довольно трудно.

³⁰ См. об этом: Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — С. 48

2) Производные прилагательные образуются с суффиксами -лы/-ле, где роль словообразовательной основы могут выполнять как существительные (*зарлы, нияхлы*), так и прилагательные, что является особенностью употребления иноязычных лексем в пословицах, так как они вторично показывают признак предмета, передаваемого уже словообразовательной основой (*канһгатыле, сабырлы, хурлы*); -сыз/-сез (*гаенсез, намуссыз, гарьсез*); -лык/-лек (*гомерлек*); -чыл/-чел (*тһһбһчел, хһрһмчел*); -чан/-чһн (*исрафчан, мыскылчан*); -гы/-ге (*һһвһлге, хһзерге*).

Прилагательные в целях экономии, краткости, но и ясности значения в пословицах часто употребляются в субстантивированной форме, что характерно и для разговорной речи: *İāāīāā һәс һәсәә □ә дәфәә аїд-әә а □әә аәә □і аād (28979); Ө □әә □ә □әә □і еїйәә әәһәә, □-әнә □ һадһһ әбәәһ (31801); Ө □ә □әә □әә □ ааа һе (188).*

С точки зрения синтаксической функции прилагательные, главным образом, являются определением (*Монафыйк һәһмнеһ эче тышына туры килми (32352)*), либо сказуемым (*Имананһ һһрһмһте һзенһн мһнкул (38619)*), а в субстантивированных случаях могут выполнять и все остальные синтаксические функции (*Ñāāūdñāā ā □әә □д ебһйе (37178); Акыллы авыр зитһ ашыкмый (31120)* и т.д.).

3. Глаголы могут быть только производными или сложными словами, так как исконные арабские и персидские глагольные формы в татарском языке не употребляются и заимствования в исходной форме никогда не выполняют функции глагола. Таким образом, глаголы от арабских и персидских основ образуются либо суффиксальным путем, либо при помощи вспомогательных глаголов. Выявлено 488 пословиц, где употребляются такие глаголы: *Еәд □әіәәә сәдһһһәә едәфә с-әі, сһйһһәә еә-әһәі □ дәсә әбә (35803); Ө □әәі әәә □ә □і Ү □әәә әбәә (36454); Җ-әәдһһәә әәддә әәә □д, д □д □дә □әдә □д ÷ □әі □і (11336); Әәдһһ ебәәәә дә, һадәі әә әбәә — әйәдәә (10723); Аад еәәәдһәә, аад әәәәдһәә (37368).*

1) Суффиксальный путь образования глаголов осуществляется с помощью суффиксов -ла/-лһ (*нурла, хһтерлһ, нһкеслһ*); -лан/-лһн (*һметлһн, холыксылан*); -лаш/-лһш (*дуслаш, хһрһмлһш, серлһш*); -һй (*кһперһй*). Нужно заметить: 1) эти суффиксы могут употребляться и с существительными, и с прилагательными основами; 2) первые два суффикса считаются продуктивными, а последний — непродуктивным в современном татарском языке и используется в пословице *Мактанчыкһһ һенһ бар, кһперһйһһнеһ туена бар (31917).*

2) При образовании сложных глаголов употребляются арабизмы и фарсизмы, которые в татарском языке выполняют роль существительного или прилагательного + вспомогательные глаголы: **ит, бул, кыл, бир, ал**: *зиян ит, гашыйк бул, мат бул, касыд кыл, кавап бир, гыйбрһт ал* и т.д.

3) Установлено, что словообразовательными основами глаголов с точки зрения языка-источника являются существительные, причастия, масдары I, II, VIII пород и качественные прилагательные.

Некоторые заимствования употребляются в обеих формах образования глагола (*исһплһһ, исһп итһ, исһплһһн; хурлау, хур итһ, хур булу* и т.д.), а некоторые — лишь в глаголах с суффиксальным образованием (*хһтерлһһ, нһкеслһһ, дһвалау*), другие — только в сложных глаголах (*тһһбһ (итһ), зиярат (кылу), иһлак (булу), нһйда (булу)* и др.).

Исследованные глаголы чаще всего употребляются в форме изъявительного наклонения; встречаются и причастия прошедшего времени, глаголы в повелительном, условном наклонениях, в редких случаях — отглагольные имена и инфинитив. Они

выполняют функцию сказуемого (*Бай белһн дуслашма, кьчле белһн сатулашма* (25068)); обстоятельства (*Серлһшергһ Һз яхшы, сыйлашырга ят яхшы* (34748)); подлежащего (*Иктицат иткһн морадына киткһн* (36910)).

4. Анализ пословиц показал, что заимствования, относящиеся к наречиям, составляют только 20 слов, что объясняется поздним выделением наречий в системе частей речи, их отсутствием в арабской морфологии, и тем, что в персидском языке, как и в татарском, они состоят, в основном, из слов, образованных путем конверсии, или из арабских заимствований и адвербиальных слов. В исследуемом материале имеют место такие непроеизводные наречия как *һнвһл*, *һаман*, *хһзер* и другие: *Хһзер миһа, иртһгһ сиһа* (25592); *Файданы һнвһл Һз башыһа, Һзеһнһн артса юлдашыһа кыл* (25592) и т.д. Производные наречия образуются при помощи суффиксов: -ча/-чһ (*хһленчһ*, *хайванча*) и -дай/-дһй (*кандай*, *һридһй*). Сложные наречия *бервакыт* и *һрвакыт* появились с помощью сложения двух основ: в первом случае татарского и арабского слов, во втором — персидской и арабской лексем. В предложении они выполняют синтаксическую функцию обстоятельства и сказуемого: *Цһркемһн сһлһтенчһ, Һркемгһ хезмһтенчһ* (114); *Аръяк яр Һрвакыт йһшелрһк кьренһ* (32438).

5. К числу непроеизводных местоимений, которые употребляются в пословицах, относятся персидские *һр* и *һммһ*, арабские *кьлле* и *бһгьзе*. Однако их частотность употребления довольно высока (первая лексема встречается 604 раза, а вторая — 27), в то время как заимствованное *кьлле* “весь, все” можно увидеть в — 3, а *бһгьзе* “некоторый” в 7 пословицах. Это объясняется активностью в современном языке местоимений *һр* и *һммһ* и отнесенностью к устаревшей лексике последних (*кьлле* и *бһгьзе*). □□δ çàìáíúž æç áîðâð-âââ □ðâ (2319); Êšëëâ ýðâë êàç òèç □ââ (áóëíúé) (1512) Á □âúçâ êšëëâ □üëâð òæââë (37498); □□î □â □í êâââðëâ í □ðñ □ — äöñ (20710).

Активно употребляющиеся в современном литературном языке производные местоимения с арабскими и персидскими компонентами образуются по моделям “*һр* + вопросительное местоимение”, “*һр* + числительное бер”, “персидская частица *чич* + вопросительное местоимение”, “вопросительное местоимение + *послелог*”. Выявлено, что в пословицах употребляются только те местоименные формы, которые существуют и в литературном языке (*һрнһрсһ*, *һркайсы*, *һрбер*, *чичкем*, *чичкайда*, *нихһтле*, *никадһр*).

6. Общеизвестно, что в составе татарских служебных частей речи имеется большое количество арабизмов и фарсизмов. Р.Ахметьянов объясняет это “длительным многовековым влиянием письменного языка тюрки. Древнетюркские народности (огузы и карлуки прежде всего), создавая свой книжно-письменный язык, ориентировались на арабские и персидские речевые формы. Сложносочиненные предложения и специфические обороты, свойственные письменной речи, создавались по арабским и персидским моделям, и форманты таких единиц — союзы, частицы, предлоги (в тюркских языках, как правило, превращавшиеся в послелогии) нередко прямо заимствовались”³¹.

Пословицы стремятся к краткости и сжатости мысли, но для связки слов и выражения различных отношений междy знаменательными словами в них употребляются такие послелогии, как *илһ*, *хакына*, *хакында*, *кадһр*, *хһтле*, *шикелле*, *мисле* (*Бер карлыгач илһ яз килмһс* (2121), *Гыйлем Һйрһнһ - бишектһн лһхеткһ хһтле* (29994), *Һз анаһнһн яхшысы - мисле кһннһт сакчысы; Һги ананыһн яхшысы - тһмуг*

³¹ Ахметьянов Р. Служебные слова арабско-персидского происхождения в татарском языке / Исследования по лексике и грамматике татарского языка. — Казань: ИЯЛИ, 1986. — С. 47

утыныһ чаткысы (12073)). Хотя и считается нехарактерным употребление союзов в паремиях, в целях представления различных синтаксических отношений - связей встречаются союзы *һәһр*, *иһм*, *һмма*, *вһ лһкин* (*Яратмак бер, вһ лһкин* юллары кһп, *берһһнеһ дошманы берһһгһ мһхбһп* (9323), *Вәһр дһ гашыйк бозыклык булса, фһхеиханһдһ булыр иде* (9147), *Мунчасы да мунчасы, һмма* яхшы сумсасы (15448) и т.д.). Для точной передачи мысли в пословицах употребляются частицы, передавая различные смысловые, эмоциональные и модально-экспрессивные оттенки: *иич* “совсем”, *хһтта* “даже”, *һллһ* “или”, *кһррһ*, *мһртһбһ* “раз” и т.д. *Иртһ аязмаса, кич аязмас, кич аязмаса, иич аязмас* (2905), *Кеше кешене бер кһррһ алдата алыр* (34864) и т.д.

В числе модальных слов, выражающих оценку степени достоверности сообщения, в пословицах имеют место такие арабизмы и фарсизмы, как *мһмкин*, *ихтимал*, *хакһт*, *зинһар* и т.д. Некоторые арабские устойчивые выражения (в основном, с религиозным значением) выступают в пословицах как междометия, впрочем, в большинстве случаев в целях иронии, теряя первичную семантику: *Биһхде һинһ*, *мичтһ бһлеш*, *ал да йһбеш* (15442), *Орсын кылыч, орсын калһм, калһм орса, сау калуыһ валлацу һгһлам* (30198) и т.д. Нужно заметить: такие устойчивые выражения в некоторых случаях субстантивируются и получают все грамматические категории существительного, выполняют свойственные им синтаксические функции: *Колны бһрһкалла нһтерер* (24858), *“Лһ хһһлһ”неһ биле сынган*, *“Иһшалланыһ” таягы сынган ди* (38233). Однако таких пословиц немного, так как сборник был издан в годы игнорирования религии, и, мы полагаем, что в него не вошли многие пословицы, связанные с исламом. Те, которые представлены в сборнике, выражают, в основном, пренебрежительное отношение к религии.

В конце главы даются краткие выводы.

В третьей главе “Лингвостатистический анализ арабских и персидских заимствований” дается квантитативная характеристика арабских и персидских лексем в составе пословиц.

Пословица представляет собой своеобразный жанр фольклора, который стремится сообщить глубокую мысль с помощью минимального количества слов, так чтобы она была понятна, ясно и четко выражена. Поэтому пословицам присущи умение правильно применить слово, произвести тщательный его отбор, обеспечить место и сочетаемость в тексте, позволяющие выявить его семантические возможности.

В этой связи представляет большой интерес и количественная характеристика заимствованной лексики в веками отточенных пословицах. Нами выявлено 873 арабских и персидских лексем, которые претерпели разные графо-фонетические изменения, освоили морфологические категории татарского языка, выступают в разных синтаксических функциях и находят отражение в 39,5% всех пословиц. Общая частотность заимствований, как выяснилось, составляет 23968 слов.

1. По количеству заимствований, используемых в каждой пословице, установлено следующее: самое большое количество заимствований в текстах пословиц - это 9 и 8 единиц. Такое количество фарсизмов и арабизмов возникает в тех случаях, когда одни и те же слова повторяются: *Бһхет, бһхет, бһхте бар, иһрбер эшинеһ вакыты бар, һәһр вакытында эшлһмһсһһ, ул кешенеһ хһле зар* (37686); *Хһлфһ начар булса, иһкерт начар, иһкерт начар - хһлфһ начар* (30155). Но есть примеры, где употребляются по 7, 6, 5 и т.д. заимствований, встречающихся в пословицах и образующих сложные предложения.

Примечание [БГ1]:

2. В сборник внесены и такие паремии, которые состоят только из арабских и персидских слов (22 пословицы): *Á□ēāā□ ñāáúñ, êàçàā ðàçúé* (36491); *Õ□ē — ð□ē□ā□ð, □āí — ñ□ēàì□ð* (20404); *€ā□ ãšüüää ìñàðèð* (18740). Однако чем меньше иноязычных слов в паремии, тем больше таких пословиц в количественном отношении: например, в 4686 пословицах встречаются по два заимствования, в 8887 пословицах по одному заимствованию, в то время как пословиц с шестью заимствованиями всего 34 и т.д.

3. Выявлено, что частотность употребления всех арабских и персидских лексических единиц разная и зависит от семантики, фонетического облика, наличия или отсутствия слова для отдельных понятий в татарском языке и т. д. (см. приложение № 2).

а) Самое частотное слово в татарских народных пословицах — фонетический вариант арабской лексики *عقل* [ʿaqlun] — *акыл* “ум, разум”, что является достаточно представительной иллюстрацией ментальности татарского народа, выше всего ценившего ум. Это выражается и в пословицах, где слово *акыл* встречается 1085 раз: *Баиһъзенһ, акылһъзенһ* (30957); *Акыллы акча кыяр, кыһр таи кыяр* (30069) и т.д.

б) Следующую по частотности группу составляют слова, обозначающие абстрактные понятия и указывающие на общечеловеческие ценности: персидские слова *дус* “друг” (989 раз), *дошман* “враг” (861), *қан* “душа” (725), арабские заимствования *мал* “1) скот, 2) товар, имущество” (932), *дънья* “мир” (536), *гомер* “жизнь” (322) и т.д.

в) Частотность слов, обозначающих общественные отношения, качества и религиозные понятия (*халык* “народ” (207), *гыйлем* “знание” (145), *хезмһт* “труд” (138), *дһһлһт* “государство” (108), *хһер* “подать” (139), *алла* “Аллах” (211) и т.д.), являются высокой и в современном литературном языке³².

г) Установлено: самое большое количество заимствований составляют те слова, которые употребляются в пословицах от 1 до 10 раз (таких лексем 577). К ним относятся *аждаца* “дракон” (9), *рия* “лицемерие” (6), *зир* “низ” (4), *нас* “народ” (1), *зһвал* “исчезновение” (2) и т. д.

Выявлено: чем реже употребляется заимствованное слово в пословицах, тем оно более чуждо, менее понятно и для современного языкового сознания. Среди них лексемы, состоящие в языке-источнике из двух лексических единиц, а в татарском языке становящиеся производными словами (*бһдбһхет, һстһгьфирулла, бһддога*); слова с удвоенными согласными (*тһгаллем, мьхһррир*); имена собственные (*Халик, Габдрахман*) и другие. Большинство из них входят в пассивную лексику современного литературного языка, а некоторые даже не зафиксированы в “Толковом словаре татарского языка”³³ (*таиб/таибһ, тикарһт, фекер* и т.д.), или не внесены в “Арабско-татарско-русский словарь заимствований”³⁴ (*сырхау, шулла, асигь, шһһһ*) и т.д.

3. Исследования показали: несмотря на то, что пословицы в сборнике даны в тематических группах (всего 23 групп), арабизмы и фарсизмы, относящиеся к той или иной разновидности, употребляются и в других, а не только по своей тематике. Однако самое большое количество заимствований зафиксировано в группах “О природе, об ее

³² См. об этом: Ризванова Л. Êāāîðèðàðèàý ðàðàèðàðèðèèà ðàðàðñèāîñèāā — Êāçāî :ÒàðÈÕ — 2000 .С. 73

³³ Òàðàð ðàèāîāz àzèàðèèñèçèāā .Ş ðñāā .Ò —.1 Êāçāî :Òàð .èèð .íð 725 — .1979 .,á ;.Ò 725 — .1979 .2 .á ;.Ò .3 .832 —.1981á .

³⁴ Õîçèí Ê.Ç .Íòîæðíā Ì.È .Ñéóóèèí Á.Ø .Ãāðî-ðàðàð-à-ðòñ-à àèññàèàð ñèçèāā — Êāçāî :Òàð .èèð .íð — .1965 ., 854á.

освоении и использовании” и “Цель и средство”, что объясняется, возможно, внесением в них самого большого количества пословиц.

4. В сборник вошли 3 литературно-книжных (как отмечает автор издания) пословиц. Такие паремии интересны тем, что в них используется большое количество заимствований, встречаются чуждые для разговорной речи арабские выражения (*Кълле дахилин янфагы, вѣлѣнь кѣнѣ бозау аягы* (30125); *Бкалле мѣиѣр ваенный никах* (9623)). Заимствования употребляются специально и с семантикой языка-источника, так как они высказаны людьми, которые окончили мусульманские учебные заведения, знали арабский и персидский языки. Есть 86 пословиц, представляющих строки из произведений видных поэтов как Г.Тукай, Х.Такташ, Ф.Карим, М.Джалиль, М.Гафури, С.Рамиев и т.д. Например, *Мъселманнар - кысылганнар* (38375)- Н.Думаи; *Бма лѣззѣтле дѣ соѣ иѣшерен газан, иѣшерен яну!* (9149) - Г.Тукай; *Билѣнѣ кѣпчѣк кебек байлык вѣ шѣирѣт, мѣртѣбѣ* (25018) - Г.Тукай и другие. Интересно то, что в таких паремиях, несмотря на частотное употребление арабизмов и фарсизмов, не теряется рифма, сохраняется эвфония и экспрессивность.

5. Как показали исследования, персидские заимствования в пословицах, в основном, употребляются в исходной форме, то есть корень слова в языке-источнике совпадает с корнем заимствования, поэтому частотность персидских корней равно количеству употребления фарсизма. Самыми частотными являются *дус* (989), *дошман* (861), *мѣр* (604), *хур* (257) и т.д.

Однако корень арабского слова отличается от корня заимствованного арабизма, так как он состоит в большинстве случаев из трех согласных и с помощью гласных и дополнительных согласных образует новые слова: ГЛМ علم гыйлем “знание”, галим “ученый”, мѣгаллим “учитель”, мѣгъльм “известное”, тѣгаллем “учеба” и т.д. В пословицах частотными являются арабские корни ГЛМ علم, КТБ كتب, ЗЛМ ظلم, ХРМ حرم, КБР كبر, РХМ رحم, ХКМ حكم, СЛМ سلم, КДР حكم, КМЛ كمل, ГШК عشق, ГКЛ عقل, ГЙБ عيب, СФР سفر, которые встречаются в формах I, II, V пород масдара и причастиях действительного и страдательного залога; именах существительных и прилагательных. В татарском языке они не считаются однокоренными словами и употребляются как самостоятельные словообразовательные основы. Нужно заметить: первые 4 указанных выше арабских корни являются активными и в современном литературном языке³⁵.

Таким образом, проведенные лингвостатистические исследования не только подтверждают активное употребление арабизмов и фарсизмов в пословицах, выявляя богатство таких компонентов, но и способствуют более глубокому раскрытию возможностей и закономерностей функционирования заимствованных элементов в фольклорных жанрах, поскольку паремии являются мерилем выразительной народной речи.

В конце даются краткие выводы.

В четвертой главе “Синонимия тюркской лексики и арабских, персидских заимствований в пословицах” проводится анализ синонимов разноязычного происхождения, и заимствования исследуются в лексико-семантическом аспекте. В ней также рассматриваются стилистические особенности употребления арабизмов и фарсизмов в пословицах, выявляется их роль в обогащении синонимии татарского языка.

³⁵ Сиразиев И.И. Арабский пласт лексики современного татарского литературного языка: Дис... канд.филол.наук. — Казань, 2002. — С. 92

Исследованию синонимии татарского языка были посвящены труды Ш.Ханбиковой³⁶, составлены словари синонимов татарского языка, синонимия тюркских слов и заимствованной лексики рассматривалась во всех работах по татарской лексикологии, а именно в трудах Ш.Рамазанова, Г.Ахатова, Ф.Сафиуллиной³⁷ и др.; вопросам синонимии посвящена и статья Р.Сагитова³⁸, в которой автор рассматривает такую связь на примерах татарских и арабо-персидских слов.

Проведенный анализ показал, что в пословицах можно выделить 4 группы синонимов между: 1) тюркскими словами и арабизмами; 2) тюркскими словами и фарсизмами; 3) арабизмами и фарсизмами; 4) арабскими лексемами.

Выявлено, что среди синонимов есть слова-аналоги в двух языках (*сандугач* — *былбыл*; *зарар* — *зыян*, *начарлык*, *кѣсѣфѣт*; *исѣнлѣишъ* — *сѣламлѣишъ* и т.д.); существуют заимствования, которые отличаются степенью состояния (**ярлы** является общим понятием для выражения бедности, **фѣкыйрь** — очень бедный, **гидай**, **ярлы-ябагай** характеризуют бедняков, которые не имеют ни кола ни двора, живут служа другим, слово **хѣрче** имеет значение: бедный человек, который кормится подачками других; такими же являются **куркыныч** “страшный” — *хѣвефле*, *хѣтѣр*, *шомлы*, *коточкыч*, *аяусыз*, *усал*; **яхшылык** “добро” — *игелек*, *изгелек*, *шѣфкатълелек*, *ѣйбѣтлек*; **кыюлык** “храбрость” — *батырчылык*, *тѣвѣккѣлек*, *курыкмау*, *йѣрѣклек*, *кѣрьѣт итѣ* и т.д.).

У некоторых заимствований в татарском языке сужается значение, и они составляют лишь частичные синонимичные варианты с татарскими словами: *гает* в языке-источнике имеет значение “праздник” и является эквивалентом слова *бѣйрѣм*, но первая лексема в татарском языке обозначает лишь религиозный праздник.

Характерно, что в тексте пословиц особенно активно выделяются синонимы — существительные, которые составляют 87% всех синонимов (*ѣлем* — *ѣкѣл*; *сѣз* — *кѣлам*; *ашамлык* — *ризык*, *азык*, *нигѣмѣт*, *локмѣ*, *тѣгам*; *ѣлеиш* — *пай*); остальная часть синонимов это — прилагательные (*ѣдѣпсез* — *гадѣтсез*; *ѣрѣм* — *зая*), послелогои (*кебек* — *шикелле*, *тѣсле*, *сыман*), глаголы (*хѣрмѣтлѣ*, *хѣрмѣт ит*, *хѣрмѣт кыл*).

Нужно заметить: в сборнике пословицы расположены вместе со своими вариантами (автор называет их *тѣрдѣилѣр*)³⁹, которые имеют тот же смысл, но отличаются от основной пословицы заменой того или другого элемента паремии. Такая система способствовала быстрому нахождению синонимов заимствований: *Этнеѣ ырылдашканы* — *сѣламлѣишкѣне*, а в варианте *Этнеѣ ырылдашканы* — *исѣнлѣишкѣне* (5142); *Яхшыныѣ асылын сорама*, *яманныѣ нѣселенѣ карама* в варианте *Яманныѣ токымына бакма* (33236) и т.д.

Выявлено, что синонимы из разных языков в некоторых случаях способствуют появлению дублетов и это помогает избежать тавтологии (*Цѣр гаишыйкныѣ мѣгѣшукасы бар*, *ѣр Мѣкѣнѣннеѣ ѣз Лѣйлѣсе бар* (9296) или *Сѣйгѣнемнеѣ кѣѣле ѣчен*, *сѣймѣсемне сѣямен* (9048)). Они иногда дополняют друг друга, передавая тот или другой оттенок значения слова, тем самым способствуют точному выражению

³⁶ Ханбикова Ш. Синонимы в татарском языке :Автореф .дис ... канд.филол.наук — .Казань 22 — . 1962 ,с .; Ханбикова Ш. Татар телендѣ синонимия ѣм сѣзлеклѣр. — Казан: Тат.кит.нѣшр., 1980. — 280 б.; Ханбикова Ш., Сафиуллина Ф. Синонимнар сѣзлеге. — Казан: Хѣтер, 1999. — 256 б.

³⁷ Әйәсәйә Ø .Öäðäð ääēä äöäi:-ä t:-äðēäð — .Ėäçäi :ÖäðäiñēçääðĤ ;129-127 .? — .1954 ,oöiä Ä.Ö .Öäðäð ääēäiäž ēäēñēēäñü — .Ėäçäi :Öäð .ēēð .iðð ;26-17 .? — .1995 ,Сафиуллина С. Хѣзерге татар ѣдѣби теле. Лексикология.— Казан: Хѣтер, 1999. — Б. 36-51

³⁸ Näüēöiä Ä .Öäðäð ääēä ñēñēēēñäiä ääð:-äðñü äēñäēäðü // İääðēð - . '10 — .1992 — .Ä23-22 .

³⁹ Исѣнбѣт Н. Татар халык мѣкальлѣре. Т. 1.— Казан: Тат. кит. нѣшр., 1959. - Б. 253

мысли (*Кън кърмѣгѣн кън кърсѣ, къндез чыра яндырыр* (124); *Шѣм тѣбе карагъ булыр* (13494), *Уйныѣ нуры баш тарту белѣн юк була* (13460); *Уттан соѣ су кирѣкми* (2894); *Ялкыннан качып кузга тѣшкѣн* (2629)). Они появляются в языке из потребностей разграничения, дифференцирования понятий за счет заимствований.

В пословицах встречаются заимствования, которые в языке-источнике имеют смысловые различия, а в татарском языке употребляются как абсолютные синонимы: персидское *бакча* обозначает “маленький сад, садик, клумбу”, а лексема *бостан* “сад”. Однако в пословицах они имеют одинаковое значение: *Бакча байлык — бер айлык, бер айдан соѣ киде айлык* и *Бостан байлык — бер айлык* (7449).

Среди слов-синонимов имеются и такие, которые образованы фонетическим способом. Например, *гакыл* - *акыл* “ум, разум”, *газап* - *азап* “страдание”, *кыйбат* - *кыйммѣт* “дорого”, *нѣфес* - *нѣфсе* “алчность, страсть, желание” и другие. *Акыл ишѣтѣн чыгар, асыл таиштан чыгар* (31000); *Гакыл буй белѣн ѣлчѣнми* (5876).

Арабские и персидские заимствования образуют синонимический ряд и со своими диалектными вариантами (*хѣстѣ* – *каста*, *рыскал* – *ырыс*, *холык* – *кылык* и т.д.): *Кастага татлы да ачы* (20242) и *Алайдыр, болайдыр, фѣлѣндер, тѣгѣндер, хѣстѣдер, комыктыр, кунадагы токмактыр, дѣньяга да чыкмактыр* (26692).

В исследуемом материале нашли отражение и однокоренные синонимы, образованные от арабских (*сабырсыз* - *сабыры юк* “нетерпеливый”, *хѣрмѣтлѣ* - *хѣрмѣт ит* “уважай”) и персидских (*хурлык* - *хур булу* “опозориться”, *патиша* - *падиша* - *падишаи* “правитель”) основ.

Как в литературном языке, так и в языке фольклора полная синонимия - явление редкое, и подавляющее большинство синонимов и квазисинонимов различаются денотативными и коннотативными компонентами значений, прагматикой. Наличие хотя бы одной дифференциальной семы в значениях синонимов определяет возможность их контрастивного противопоставления в речи. Такое употребление синонимов встречается и в пословицах, которые условно составляют такие группы: 1) контрастность между фонетическими синонимами, образованными от одного арабского корня; 2) контрастность между контекстуальными синонимами. В первую группу входят лексемы *акыл* - *гакыл*; *исѣп* – *хисап*; *хѣрам* – *ѣрѣм*, которые употребляются в одной пословице, способствуют созданию рифмы, состоят в отношениях условия и результата, предположения и результата: *Урынсыз газап - ѣзеѣл азап* (37337), *Хѣрѣмнеке ѣрѣмгѣ* (24076), *Исѣпкѣ кермѣсѣ, хисапка кермѣс* (1648) и т.д.

Синонимы второй группы в контексте пословиц взаимодополняют друг-друга, в то же время, противопоставляя и выражая разные оттенки семантики лексемы, обеспечивают сжатость и отточенность мысли: *Гомер - ѣкѣт, ѣлем - бурыч* (19551); *Нѣселен белмѣгѣн - нѣсѣпсез булыр* (13185) и т.д.

Таким образом, наши исследования подтверждают, что в синонимии татарского языка большую роль играют и арабско-персидские заимствования, усвоенные с древнейших времен и активно употребляющиеся по сей день. Они используются во избежание тавтологии и при создании рифмы в пословицах.

В конце даются краткие выводы.

В заключении излагаются общие выводы диссертационной работы.

1. В татарских народных пословицах активно употребляются арабские и персидские заимствования, относящиеся к разным тематическим группам и

по-разному освоенные в фонетическом, грамматическом и семантическом плане, но четко и точно передающие мысль.

2. Установлено, что арабизмы и фарсизмы употребляются в 1/3 части пословиц сборника Н.Исанбета. Основную часть составляют общеупотребительные в татарском литературном языке заимствования; но есть и такие, которые уже входят в пассивную лексику литературного языка и в толковых словарях идут с пометкой “устаревшая лексика” или “книжное слово”, либо вообще не находят места ни в толковом словаре, ни в словаре заимствований.

3. Огромное количество арабских и персидских лексических единиц, вошедших в татарский язык, претерпели большие изменения в фонетическом, грамматическом, лексико-семантическом отношении. Все заимствования полностью включаются в звуковую систему татарского языка, хотя некоторые гласные претерпевают изменения из-за поволжского передвижения гласных; несвойственные тюркскому консонантизму согласные либо опускаются, или заменяются татарскими звуками. Установлено, что в орфографии арабизмов и фарсизмов в пословицах, как и в литературном языке, нет единых правил, что приводит к многообразию вариантов и ошибочной семантике заимствований.

4. Пословица как жанр фольклора стремится к эвфонии и созвучию мысли, сжатой форме для быстрого запоминания и сохранению рифмы и ритма. Для достижения этой цели, в заимствованиях появились позиционные (апокопа, синкопа, эпентеза) и комбинаторные (ассимиляция, аккомодация, метатеза, диэрреза) изменения. Выявлено, что из-за схожести сочетаний звуков многие арабские масдары и формы причастий в поговорках употреблены в целях аллитерации и ассонанса.

5. Сделан вывод о том, что в арабизмах и фарсизмах отражаются и диалектные особенности общенародного татарского языка, что свидетельствует о широком распространении заимствований не только в литературном языке, но и в разговорной речи.

6. Морфологическое освоение заимствований в пословицах представлено в разнообразных грамматических формах языка-источника (масдары, причастия, существительные, прилагательные), большая часть из которых являются именами существительными и прилагательными; имеются так же глаголы, местоимения, наречия и служебные части речи, применяемые намного реже, чем в литературном языке.

7. В аспекте словообразования в пословицах имеют место как непроизводные формы арабизмов и фарсизмов, так и производные заимствования, образованные средствами словообразования татарского языка, среди которых самым активным является суффиксальный способ, характеризующий агглютинативный характер языка.

8. Проведенный нами лингвостатистический анализ заимствований позволил установить, что как бы иноязычное слово ни стремилось быть похожим на исконную лексику, оно употребляется только по необходимости: чем больше иноязычных слов в пословице, тем меньше их количество в сборнике Н.Исанбета.

9. Выявлено, что самыми частотными заимствованиями являются обозначающие общечеловеческие ценности активные слова литературного языка. Многие из них состоят из одного или двух слогов и не имеют эквивалента в татарском языке (таковых 25). Нечастотные лексемы, наоборот, входят в пассивную лексику литературного языка; в языке-источнике, в основном, они являются производными или сложными словами, а в татарском языке считаются “большими” лексическими единицами.

10. В сборник Н.Исанбета включены и литературно-книжные пословицы и ставшие пословицами высказывания известных авторов, исследование которых дает возможность сравнить особенности употребления арабизмов и фарсизмов в литературно-книжном и народно-разговорном языках.

11. Лингвостатистические исследования заимствований показали, что активные персидские слова, в основном, употреблены в пословицах в форме корня и сохранились в современном татарском языке. В отличие от фарсизмов только 3 из 14 активных арабских корня, имеющиеся в пословицах, используются и в современном литературном языке.

12. Широкое распространение арабизмов и фарсизмов в религии и ее обрядах, книжно-литературном мире, искусстве, быту и т.д. обусловило наличие разноязычных слов-синонимов в пословицах. Эти лексемы расширяют ареал употребления паремий, помогают избежать тавтологии и создают варианты пословиц, тем самым способствуя их распространению, активизируя в речи употребление арабизмов или фарсизмов.

13. Проведенный анализ заимствований в языке пословиц позволяет подтвердить активность арабизмов и фарсизмов как в литературном языке, так и в устной речи. Использование лексикографических источников по татарскому языку показало, что функционирование в пословицах совпадает с их употреблением в живой народной речи как в фонетическом плане, так и в лексико-семантическом.

14. Перестройка в обществе и последующие социально-политические условия активизировали процесс возвращения арабских и персидских заимствований, которые весьма активно стали употребляться как в общественно-политической и социальной жизни татарского народа, так и в живой разговорной речи, что подтверждает актуальность и значение нашего исследования. Впервые проведенные нами исследования арабских и персидских заимствований в татарских народных пословицах, собранных в течение многих лет замечательным и талантливым ученым Н.Исанбетом, дали возможность выявить их особенности фонетического и грамматического освоения, частотную характеристику, синонимию их употребления и определить новые ориентиры для дальнейшего развития татарской лингвофольклористики.

Список основных публикаций по теме диссертационного исследования:

1. Özaâdîâa Ý. Öaâðð ðæûê ìêæëüêððáíáð ãâððî, ðâðñû æëññæâðñûñ éóëëáíüëøû / İeðçà A.Êaçâî-Ââê è îðâ÷âñðâáíñâ áññðîëíâââíêâ. Âíëëââü è ññâñâíêü íâó÷íê êñíðâðáíüë. — Êaçâíü: ÊÂÖ, 2001. — Ñ. 300 - 305
2. Özaâdîâa Ý. ×âñðîðîññðü âðâáí-íâðñêâñêíê èâêñêê â ðâðððñêê ïâðíáíüñ ññêíâêðâð / Áíâóýññâñêâ ðâíêü. İâæâóíâðíâíâ íâó÷íâý êñíðâðáíüë. Öðóâü è ïâðâðêæü. Ö. 2. — Êaçâíü: ÊÂÖ, 2001. — Ñ. 90 - 92
3. Özaâdîâa Ý. Öaâðð ðæûê ìêæëüêððáíáð ãâððî, ðâðñû Ýî ðâððð ñæçêððáíâñ ñêññêíêüñâ / Öîñê üçíâêðð. — Êaçâí: Øêíêâ, 2002. — Á. 120 - 124
4. Özaâdîâa Ý. Àðâáçêñü â ðâðððñêê ïâðíáíüñ ññêíâêðâð / ßçê è ýðññ: İâðâðêæü İâðáíê âñâçâñê æêâââíê÷âñêê øêíü æëññêíâñðíâ-íðâñâââðâêâé áóçíâ ÐÖ (30 ñýáðý - 2 ââêââðý 2001 â.). — Êaçâíü: ÐÊÖ Øêíêâ, 2002. — Ñ. 246-248
5. Özaâdîâa Ý. Êêðââê Ýî ãâðíðü æêââêâ áóëââ ìêæëüêððáíáð ãâððî, ðâðñû æëññæâðñû // İëëê ìââíêüð, 2002. — 12. — Á. 68-73
6. Özaâdîâa Ý. Êêíâññðâððêñê÷âñêâ êññêââíââêâ âðâáí-íâðñêâñêíê èâêñêê â ðâðððñêê ïâðíáíüñ ññêíâêðâð /Ñáíðíê ðâçêñíâ êðíâíêê êñíðâðáíüë ðâñíóæêêâñêíêâ

eiíeóðñà íáó÷íúõ ðááíò ñðááè ñòóááíóíá è àñíèðáíóíá íà ñíèñèàíèá ïðáíèè èì. Í.È. Èíáà÷ááñèíáí. T.2. — Êàçàí: ÊÄÓ, 2002. — Ñ. 151-152.

7. Óááíðíáà Ý. Ñèñíèèý ððááí-íáðñèàññèèð è ðàðàðññèèð ñèíá á ðàðàðññèèð íáðíáíúõ ññèíáèòáð (ñ ððáðññèèð Í.È.íáááðà “Òàðàð ðáèúè ìéàèúèððá” / Ññíòðàáèððáèúíáý ðèèíèíáèý è ññèèèíáèè. Ìàððèèú àñáðññèèñíèíèé íáó÷í-íðáèðè÷áñíèé èííðáðíóèè (Êàçàí, 29-31 íèòýáðý 2002 áíáà). — Êàçàí: ÐÈÖ Øèíèà, 2002. — Ñ. 326-327

8. Óááíðíáà Ý. Таðàð ðáèúè ìéàèúèððáíáðá ððáðññèèð Ýí ðàðññèèð áèúñáèàðñíá ððáíàðèè ððáèððáðññèèð / Êàçàí äæèððíèáðññèèð ðàðàð ðèèíèíáèýñá Ýí ðàðèèð ðáèèèððáðññèèð ðèèèð÷èèðñíá ðííèé ýçíàèàðñí (2002). — Êàçàí: Ðİİ “Áàðð”, 2002. — Á. 230-240

9. Óááíðíáà Ý. Òàðàð ðáèúè ìéàèúèððáíáðá ððáðññèèð Ýí ðàðññèèð èññíáíóó ááèíí ÿñáèáí ðèáèèèðð / Ìðíáèáí ñèíáñáðáçíááíèý á ððèèèèèð ýçíèàð. — Êàçàí: Õèèáð, 2002. — Ñ. 299-307

10. Óááíðíáà Ý. Ìéàèúèððáðá ððáðññèèð Ýí ðàðññèèð áèúñáèàðñí // Õí Ýí ðáè, 2003. — ¹ 1. — Á. 17-22

11. Óááíðíáà Ý. Лексико-семантическое освоение арабо-персидских заимствований в татарском языке / Эпос “Урал-батыр” и мифология. Материалы Всероссийской научной конференции (27-28 мая, г. Уфа).— Уфа: Гилем, 2003. — С. 153-155

12. Óááíðíáà Ý. Мһкаль сһз – акыл сһз, акыл сһз — мһгькуль сһз // Милли мһдһният, 2003. — № 3. — Б. 99-103